

УДК 94(410)  
ББК 63.3(4Гем)  
Р49

**Рид, Дуглас.**  
Р49 Хотел ли Гитлер войны. Беседы с Отто Штрассером / Дуглас Рид ; [пер. с англ. М. Тимофеева]. — Москва : Родина, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-907149-88-5

С 1925 года по 1934 год Отто Штрассер был одним из лидеров левого крыла в национал-социалистической партии Германии и внутрипартийным противником Гитлера.

Известный британский журналист и общественный деятель Дуглас Рид неоднократно встречался с Отто Штрассером. Результатом их бесед стала данная книга. Она содержит уникальные материалы, позволяющие по-новому взглянуть на историю Третьего рейха и международных отношений.

УДК 94(410)  
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-907149-88-5

© Рид, Д., 2019  
© Тимофеев М., перев. с англ., 2019  
© ООО «Издательство Родина», 2019

## ВСТУПЛЕНИЕ

Казалось, ответ на вопрос о том, *кто* начал войну, определен раз и навсегда. Война у нас — для всей страны — была одна: Великая Отечественная, Вторая мировая. Начала Германия. Другие страны Запада сначала попустительствовали, потом выжидали. Мы немцев победили, тысячелетний *Drang nach Osten* в военном плане потерпел провал. Цена была уплачена колоссальная. Помним до сих пор.

Вроде все ясно: белое — это белое, черное — это черное, и даже книги разных перебежчиков роли не играют. О том, где дали маху или почему «просели», знаем и сами. Чего-чего, а самокритики, переходящей в самоунижение, нашему человеку не занимать.

Но все ли мы знаем о начале войн XX столетия и уж тем более о войнах наших дней? Все ли мы понимаем *правильно*, не так, как нас *учат* понимать СМИ и разного рода ньюсмейкеры, вколачивающие в наше сознание нужные им стереотипы?

За время, прошедшее с окончания Второй мировой, было много локальных конфликтов. И каждый раз мы, увы, не замечаем, как во многих из них проявляется то, что называют «мировыми тенденциями». Мы не понимаем их по одной причине: нас вводит в заблуждение *форма, внешний вид, обертка*, хотя *направленность* этих тенденций вечна и неизменна.

Но есть и другая сторона — наличие того, что принято называть тайной дипломатией, а также существование интересов экономических, политических, национальных групп, которые преследуют сугубо свои корпоративные цели. Автор

этой книги изучал именно эту, закулисную, сторону мировой политики, в том числе и накануне Второй мировой.

Сегодня часто говорят: зачем копаться в прошлом, ведь все равно на дворе другое время? Время и правда другое, но только на календаре. Но мы видим, что, когда европейским государствам и их патрону, США, нужно решить *свои* геополитические проблемы в Европе, они действуют точно так же, как действовали Англия и Франция накануне Мюнхенского соглашения. Война против Югославии, война в Ираке, проникновение в Закавказье... это только некоторые из примеров последнего десятилетия. И в этой ситуации поражает то, насколько *сходятся* цели и информационное сопровождение этих агрессий, а визуальный ряд вызывает крайне неприятные ассоциации. Во время натовской агрессии в Югославии на телеэкране промелькнули кадры, снятые в танковом подразделении немецкого контингента. Картинка просто резанула по сердцу — они *стояли* так же, как их прадеды в 41-м где-нибудь на Смоленщине, так же *улыбались*, так же *чувствовали себя хозяевами* над подмятой гусеницами их танков не своей земле.

Отдельно стоит вопрос о фальсификации истории. Можно сколько угодно смеяться над российским руководством, которое создает специальные комиссии по борьбе с фальсификаторами, но проблема-то есть! Уже политическая система СССР приравнена к нацизму, уже действия в отношении Польши перед Второй мировой объявлены геноцидом, уже Парламентская ассамблея народов Европы (!) перелагает ответственность за развязывание Второй мировой *исключительно* на Советский Союз и Германию... куда же дальше?

Все эти демарши имеют далеко идущие последствия. То, что происходит очередная попытка со стороны ряда европейских государств и США найти козла отпущения и окончательно дистанцироваться от событий войны, не видно только слепому. Но пересмотр итогов войны *на словах* вполне может завершиться пересмотром европейских границ *на деле*. Причем границ, определенных по итогам Второй мировой. Пробная попытка в Югославии уже была сделана. Сколько

еще надо таких попыток, чтобы все нормальные люди поняли, *что* в действительности происходит вокруг них и чем все это чревато?

Книги Дугласа Рида отвечают на этот вопрос, заставляя каждого из нас думать и не верить в белозубые улыбки и очередные PR-заклинания о «цивилизованных странах», желающих всем не похожим на них исключительно добра и счастья.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга об одном немце. Его зовут Отто Штрассер. Протолкавшись, если можно так сказать, к сцене в двух своих других книгах<sup>1</sup>, в этой я хочу сыграть роль этакого конферансье — человека, который открывает представление, а затем прячется за кулисами. Представление идет своим чередом, а этот тип время от времени, в перерывах между действиями, выходит на авансцену, чтобы напомнить вам о своем присутствии и о том, что именно он распоряжается всем действием и что без него ничего толком и не случится.

Сегодня, когда война уже началась и сложнейший вопрос, терзавший нас на протяжении многих лет, наконец-то получил ответ, со всей очевидностью встают новые и новые вопросы. Их очень много, но заслоняет все один-единственный: «Какой выйдет из этой войны Германия?» В поисках ответа на него мы неизбежно должны обратиться к фигуре Отто Штрассера, человека, о котором до войны знали разве что единицы. А между тем фигура эта очень важна.

Он может сыграть весьма существенную роль в ответе на поставленный мною вопрос. Я говорю «может» потому, что война — штука менее предсказуемая, чем мир; это как перерубленный кабель высокого напряжения, конец которого мотает во всех направлениях, и вы никогда не знаете, где, как и кого он заденет; и рубильник тут уже бесполезен.

Многие люди, писавшие на эту тему, вполне аргументировано показали, что события, приведшие к войне, мож-

---

<sup>1</sup> Вероятно, автор имеет в виду свои книги «Ярмарка безумия» и «Великий позор», посвященные предвоенной Европе. — *Примеч. пер.*

но было весьма точно предсказать заранее: строго говоря, это — их ремесло, и они вполне могли сделать это подобно доктору, который по особым признакам может рассказать о перспективах развития болезни. И лорд Галифакс, выразивший в одной фразе общую позицию большинства британцев, всего лишь облек в словесную форму ложный посыл, пусть и звучавший крайне убедительно. Он сказал: «Мы не верим людям, которые точно предсказывают грядущие события». Но это всего лишь обычная расхожая фраза, которая служит оправданием для прикрытия собственной бездеятельности и привычке откладывать все на завтра. Не более<sup>1</sup>.

Политика в мирное время — очень точная наука. Об этом знают все, кто знаком с политиками. Война, эта «политика, реализуемая другими средствами», набрасывает на будущее своего рода дымовую завесу. Но сейчас, в начале 1940-го года, я бы заключил такое пари: Германия не выйдет из этой войны в виде государства, в котором безраздельно властвует Адольф Гитлер; не победит она и всех врагов. Ближайшие несколько месяцев или год-два покажут, что и в Германии происходят изменения. К власти в рейхе начнут приходить новые люди. Но это отнюдь не будет означать, что нашим тревогам и беспокойствам придет конец — напротив, это, возможно, будет только началом.

---

<sup>1</sup> *Эдуард Вуд*, лорд Галифакс (16 апреля 1881 — 23 декабря 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. В 1925—1930 под именем лорда Ирвина был генерал-губернатором и вице-королем Индии. Стремился закрепить за ней статус доминиона, противодействуя движению за независимость. Затем сторонник умиротворения — попыток Невилла Чемберлена удовлетворить требования держав оси. Был министром иностранных дел в его консервативном кабинете в 1938—1940 гг., после того как Энтони Иден подал в отставку из-за нежелания идти на переговоры с европейскими диктаторами. Согласился на присоединение к нацистской Германии Австрии в 1938 г. (аншлюс) и на оккупацию Гитлером части Чехословакии по Мюнхенскому соглашению. Отказался от приглашения приехать на переговоры в Москву, переданного советским руководством через посла И. М. Майского 12 июня 1939 г., возможно, упустив шанс достичь договоренности с СССР и предотвратить возможность заключения Гитлером и Сталиным в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Во время Второй мировой войны был послом в США. — *Примеч. пер.*

Отто Штрассер наделен особыми качествами, и он имеет некий шанс — если, конечно, воспользуется им. Ведь не так давно и Гитлер, который сегодня единолично восседает на троне, был никому не известной фигурой; нынешний Отто Штрассер — малоизвестный эмигрант, но в недалеком будущем и он сможет вступить на путь, ведущий вверх.

Став мужчиной — а для моего неистового поколения это было в самом начале последней войны, в 1914 году, я больше прожил в Германии, чем в какой-либо другой стране, в том числе и у себя на родине. Я был поглощен изучением этой необычной, словно история про доктора Джекилла и мистера Хайда, страны, этого проклятия нашего времени. За несколько месяцев до того, как разразилась теперешняя война, уже будучи охваченным чувством, что она тут, она надвигается, я начал собирать материал об Отто Штрассере. Я верил, что когда война таки начнется, то это потерянное колено немцев, политэмигранты неизбежно станут важным фактором, неизбежно наберут политический вес, и что Отто Штрассер станет самым главным среди них. В то время в голове моей уже строились некие предположения о том, какой будет Германия после Гитлера, однако на тот момент общественное мнение в Англии не заглядывало так далеко, и эта книжка была бы несколько преждевременной.

Но вот война началась, и об этом человеке сразу заговорили. Это с новой силой возбудило мой интерес, и идея переросла в намерение. В ходе вечерних прогулок по улицам покоренного, но не выключившего иллюминации Парижа, закрытые магазины которого говорили о том, что вот война уже третий раз на жизни одного поколения приходит в этот город и изгоняет людей оттуда; во время посещения парижских ресторанов, среди господ со сверкающими лысынями и их блондинистых спутниц в мехах; долгими днями и вечерами в ходе непрерывной работы, сидячи в номерах отелей, я изучал Отто Штрассера, спорил с ним, вопрошал его, исследуя его боевое прошлое и его планы на будущее.

Результат этой работы настолько захватил меня, что справиться с желанием описать все это я просто не смог.

Не только из-за политических принципов и планов Отто Штрассера; не только даже из-за силы его личности, хотя его присутствие было приятным и стимулировало к работе, да и к нему я относился очень хорошо, как, впрочем, к каждому отдельно взятому немцу, но из-за *содержания* его жизни, которое возбуждало во мне инстинкт рассказчика и тянуло меня к пишущей машинке.

За дни, прожитые в Париже, я как бы заново пережил жизнь человека С-Другой-Стороны; жизнь, гораздо более наполненную приключениями и событиями, чем моя собственная, которую очень трудно назвать монотонной; жизнь другого человека нашего неистового времени, человека, подпавшего под все возможные бури. Жизнь, по моему мнению, гораздо более увлекательную, чем жизнь Гитлера. С его помощью, через его личность я вновь почувствовал пульс той бурлящей, беспокойной Германии, которая не дает нам успокоиться, той вызывающей неприязнь и в то же время очаровательной земли, где я прожил много лет.

Эта история изложена в настоящей книге. Меня в равной степени интересовали как приключения из жизни Отто Штрассера, так и его политические изыскания. Для меня было непривычно описывать жизнь и мысли другого человека в тот момент, когда мне самому было что сказать. Строго говоря, мне пришлось даже ограничить себя — я не мог время от времени выбегать на сцену или оттащить главного персонажа в сторону. Кто-то заметил по поводу моих предыдущих книг, что самым большим моим просчетом в них было то, что я все время выпирал свое «я» на первый план — в этом, собственно, и было чуть ли не главное их достоинство. Тем не менее, на этот раз я, едва не заработав инсульт, справился с собой и затушевал свою авторскую сущность.

История, которую я должен рассказать, весьма важна. Гитлер почти отыграл свое. Он долго портил нам кровь. Он был чем-то вроде опереточного Наполеона с настоящей гранатой в кармане; словно нелепый ребенок, нарисованный карикатуристом, внезапно сошел с бумаги и предстал перед

ошеломленной публикой, стреляя настоящими пулями из своего пистолета.

Еще немного мелодраматических поз, жестов и публичных речей — и он уйдет. А из-за кулис уже выглядывают кандидаты в преемники, и среди них двое основных: Геринг, толстый, этакий гибрид Фальстафа и Нерона, безжалостный, коварный, известный всему миру. И Отто Штрассер, бедный, неизвестный, изгнанник, но не запуганный. Они оба значимы для вас, как были значимы Австрия, Чехословакия и Польша. Об этом я писал в «Ярмарке безумия» и «Безмерном позоре» — и оказался прав. Думаю, что и написанное ныне — тоже правда.

Ваше мужество, ваша решительность, ваше «то да се» не помогут вам, если ваши руководители упустят из рук мир. Если они сделают это, то вы окажетесь в самом незавидном положении. Человек по имени Гитлер не принесет вам пользы, а ваши страдания, ваши жертвы и ваше мужество в этой новой войне окажутся напрасны, так что последующие двадцать лет будут куда хуже, нежели только что пережитое нами двадцатилетие. Будущий мир гораздо важнее самой войны, и на своем собственном опыте вы сейчас видите, *что* значит потерять мир или, точнее, бездумно отбрасывать победу только потому, что вам не нравится напрягаться и бороться с силами последний раз, и вы намерены довериться громиле, потому что убоялись несуществующего призрака. Вот в чем важность этой истории, которую я расскажу в своей книге.

## Глава 1

### ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Весной 1939 года, проведя много лет за границей, я вернулся домой, в Англию. Я был свидетелем немецких вторжений в Австрию и Чехословакию. А поскольку я возвращался домой через Польшу, то со всей очевидностью узрел, что следующей жертвой будет именно эта страна. О чем и написал в «Безмерном позоре». Тогда я знал (и писал), что наша неизбежная дилемма, ставшая таковой благодаря нашей внешней политике, уже не просто требует решения, а вопиет о нем: либо мы должны вступить в войну с Германией, либо мы должны капитулировать и встречать в Лондоне немецкие войска.

Я видел, что пройдет несколько месяцев и мы будем вынуждены так или иначе принять решение. Я решил использовать это время для того, чтобы осмотреться вокруг и понять, что думает по этому поводу моя родная страна, поведение которой, тем не менее, сбивало меня с толку больше, нежели политика какой-нибудь другой державы. Я никак не мог понять, откуда берется этот ленивый скептицизм, сводящий на нет любые усилия, направленные на то, чтобы разбудить эту страну и, таким образом, избежать войны. Я не мог понять, откуда берется боязнь приложить хоть какие-то усилия, боязнь, которая, казалось, лежит в основании такой позиции. Я не мог понять, почему эта страна, с одной стороны, совершенно пассивно дает вовлечь себя в войну, которой можно избежать, а с другой стороны, открывает настежь ворота для притока не ассимилирующихся в этой среде иностранцев, намерение которых, с началом войны, стало оче-

видным: устроиться на местах, оставленных молодыми британцами, которые не сегодня завтра уйдут на поле брани.

Кроме того, смутно рисовавшееся состояние Англии после войны было полно опасных призраков, причем надеяться на пробуждение общественного мнения в этой ситуации было бы так же глупо, как на его пробуждение ввиду грозящих опасностей войны. Все, что было хорошего в Англии, оказалось погребено под чужеродным, принесенным извне образом жизни и образом мыслей, который завоевал неслыханно прочные позиции в литературе и прессе, в театрах, на киноэкране, в радиопередачах и ресторанных меню, в искусстве, парламентских дебатах — одним словом, везде.

Мы собирались вступить в войну, чтобы в очередной раз сохранить целостность Англии и не допустить неприятеля на ее землю. И в то же время мы открыли свои границы чуждым влияниям, подобных которым они никогда не видели. И самой безумной, выходящей за пределы здравого рассудка вещью, которой я не видел даже в сумасшедшем доме Ярмарки безумия, было то, что мы собирались дать этим чужакам преференции по отношению к нашим, своим, коренным жителям. Их нужно было назначать на места, освобожденные молодыми людьми, ушедшими на фронт. А уж если они сами изъявляли желание «пойти на военную службу», то они могли даже получить британское гражданство — но условием этой, с позволения сказать, «службы» (давайте будем честны!) было то, что их никогда не посылали на передовую! Их жизни нужно было хранить любой ценой, дабы после войны они могли жить в Англии мирно и обеспеченно; а тем временем жизни молодых англичан бездумно пускались на ветер.

У меня нет подходящих слов, чтобы описать это умопомешательство. Я видел то, что нас ожидает, и описал это в «Безмерном позоре». И вот оно свершилось. Две вещи, которые я предвидел и которых боялся — война, которая пожрет в своем горниле еще одно поколение британцев, и чужеродное влияние, которое поражает гнилью самые корни британской жизни, стали реальностью. Перспектива мрачна. И при

таком раскладе мы не станем лучше по окончании войны — и даже не важно, выиграем мы или нет. Но для этих, вновь прибывших, это будет игра в «орла или решку». Я видел, как эти люди подбрасывают монетку в Берлине и Вене.

Похоже, что мы крепко-накрепко привязали себя к политике, суть которой — делать ошибку за ошибкой. И состояние дел в Англии не сулит ничего хорошего.

И вот, находясь в таком неудовлетворительном состоянии, я отправился в поездки по Англии. Свои впечатления я опишу в другой книжке. Патриоту, радеющему за свою землю, они не прибавили смелости; напротив, его опасения лишь усилились, так что по окончании войны, в случае если эта политика будет продолжена, вы увидите, что они были совсем небеспочвенны. В этих поездках я увидел много интересного, побывал в незнакомых и странных местах, в одном из которых, кстати, самом странном, я и принял решение написать книгу об Отто Штрассере.

Итак, настроившись на новый лад, я двигался вдоль пустынного побережья и вдруг наткнулся на голдсмитовскую «покинутую деревню»<sup>1</sup>, загадочное, полное тайн место, скрывающееся за утесом. Оно появилось передо мной словно из ниоткуда.

Разрушенная гостиничка; дома без стен и крыш; пустынные, усыпанные дранкой улицы; случайный цветок, выглянувший из развалин, словно желающий показать, что когда-то здесь был сад; куски старых обоев; ржавые каминные решетки, за которыми когда-то горел огонь, согревая усталых рыбаков; пара цыплят, клюющих какой-то сор; одинокая взлохмаченная женщина с одним здоровым глазом и единственным зубом во рту. Она стояла, прислонившись к стене и смотрела, как я иду по улице. Это было самое жуткое место, в котором я когда-либо бывал. Я шел по дранке, и из-под моих ног вылетали резкие, неприятные звуки. И хотя солнце еще стояло высоко в небе, ощущение было не из приятных.

---

<sup>1</sup> Аллюзия на одноименную поэму-эпигранию классика английской литературы Оливера Голдсмита (1728—1774). — *Примеч. пер.*

Я увидел, что женщине просто не терпится поговорить со мной, и поздоровался. Она ответила: «Добрый день, господин», после чего поведала мне простую историю. Когда-то здесь была вполне зажиточная рыбацкая деревня. Но как-то ночью сюда нахлынула волна, да такая, какой никто никогда не видывал, и разрушила деревню. Никто, правда, не погиб, однако все рыбаки предпочли переселиться в дома, которые построило правительство в более безопасном месте, примерно милей выше от этого утеса, отсюда его не видно. Так что все уехали, все — кроме нее.

Она же предпочла (почему, об этом я так и не узнал) отстроить свой дом на прежнем месте, и вот уже много лет она живет здесь, одна-одинешенька в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки. Здесь был хороший пляж, поэтому летом у нее жили какие-то постояльцы; порой к ней заезжали любопытствующие автомобилисты, которым она подносила чашку чая. Но сейчас все прекратилось — власти считают, что ведущая сюда с вершины холма дорога слишком опасна, а потому перекрыли ее шлагбаумом. Так что всякие путешественники останавливаются уже на холме и не спускаются вниз, в разрушенную деревню. А теперь еще война и никаких тебе отдыхающих. Да еще эта светомаскировка...

Светомаскировка! Только ее окно светилось посреди этих руин, отбрасывая отблески на волны, плескавшиеся чуть ли не у крыльца. Через это окно ей был виден свет от большого маяка, что стоял на мысу в миле отсюда. Он и теперь, во время войны, как и в часы мира, обходил дозором окрестности, представляя на всеобщее обозрение и шхуны британских рыбаков, и подлодки немцев. «Я тут, я тут, я тут», казалось, говорила крыша ее дома, попадая под его слепящий луч.

Свет был ее другом. Но теперь по ночам она могла его и не увидеть. И хотя в ее доме уже не было никаких гостей, да и зима приближалась, так что сюда почти никто не забредал, тем не менее, человек, ответственный за светомаскиров-

ку, приходил к ней сверху и приказывал тушить огни. Как же смеялся Большой Огонь, когда исчез его товарищ, Маленький Огонек, который он видел столько лет! И вот теперь она сидела одна-одинешенька в своей маленькой комнате, в единственном целом доме посреди разрушенной деревушки, посреди этих кирпично-цементных призраков, и затемняла свое маленькое окно. Ее комната не была защищена от газов, она ничего не понимала в этом. Но как же она ненавидела светомаскировку!

— А вы берете постояльцев в это время года? — спросил я ее после того, как она закончила свой рассказ.

— Да, господин, — с удивлением в голосе ответила она.

— Знаете... у меня есть пара свободных дней, так что я останусь у вас, — сказал я. — Мне просто надо кое-что обдумать.

Это было очень странное место. «Что ж, была не была», — подумал я, оглядываясь по сторонам. В комнате было сыро, как в колодце, она была невелика — в ширину словно входные двери в храм. Впрочем, я бывал и в худших, хотя и не в таких странных местах.

Очень хорошее место для размышлений. Я думал о войне, о том, что будет после нее, стоя на волнорезе, и, помешивая носком ботинка dranku, глядел на чаек. Ночью мы беседовали и как!

Мы сошлись на том, что рыбаки были правы, что Большая Волна пришла из-за того, что власти графства выбирали слишком много песка с побережья (разве мы не говорили, что к добру это не приведет?). Мы говорили о немке-поварихе, работавшей в гостинице, что наверху — она уступила мольбам всех знавших ее: люди просили ее не уезжать из-за войны. Мы сошлись на том, что, принимая во внимание все обстоятельства, мы бы на ее месте, скорее всего, уехали бы домой, как бы нас ни уговаривали. А уж что мы говорили о светомаскировке! Старуху как прорвало, она болтала без умолку. Ей это нравилось.

Я тоже был не против, но в конце концов сказал:

— Теперь я пойду. Я собираюсь написать книгу об Англии и Германии, о Геринге и Отто Штрассере, о том, как закончится эта война и что будет после нее. Быть может, я снова появлюсь у вас ближе к Рождеству. А пока — прощайте.

— Эх, жаль, что вы уходите, господин, — сказала она. — С вами было хорошо. А вы собираетесь написать книгу? Вот прямо вот так?

— Ну да, — ответил я. — Я раб привычки. Кто-то может взять книгу, кто-то — обойтись без нее. Я не таков. Я как алкоголик — каждый последующий бокал уж точно будет последним! Я всегда готов повернуть какую-нибудь Treppenwitze<sup>1</sup>.

— А что это такое? — спросила она.

— Шутка или что-то в этом роде, о чем вы думаете после вечеринки, спускаясь по лестнице, — сказал я. — Вы говорите о том, чего вы хотите. Но у меня есть преимущество над этими тормозящими шутниками — я возвращаюсь и реализую свои шутки, пусть и в другой книге. Никто не скроется от меня. Так-то вот!

— Хм... это интересно, — проговорила она, стрельнув в меня своим светлым, но пустым глазом. — До свидания, господин.

Поднимаясь в гору по тропинке, я буквально чувствовал, как этот глаз сверлит мне спину. Добравшись до верхушки, я оглянулся и помахал рукой. Она стояла перед домом, посреди остовов других домов, в которых когда-то жили друзья ее детства. Под ногами у нее копошились цыплята.

В поисках Отто Штрассера я отправился во Францию. Я ехал поездом и плыл на пароходе. Поезд то и дело останавливался. Пароход отчалил на несколько часов позже. Так как все каюты были заняты, ночь я провел, расхаживая по палубе. На следующий день я был уже во Франции — я наслаждался бокалом Дюбонэ, ел омлет с грибами, потягивал Клико, для контраста вкусов заедал кусочком Бри, пил кофе

---

<sup>1</sup> Дословно — «лестничная шутка». — *Примеч. пер.*